

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В 1725–1762 ГОДАХ

Е. А. Подберезный, В. Н. Фурсов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 октября 2022 г.

Аннотация: рассматривается вопрос повседневной жизни нижних чинов русской регулярной армии 1725–1762 гг. На основе широкого круга источников изучается процесс прохождения военной службы рекрутами, солдатами и капралами, в том числе особенности их материального положения в период службы. Особое внимание уделяется повседневной жизни отставных нижних воинских чинов, включая их обеспечение после отставки и семейное положение.

Ключевые слова: «дворцовые перевороты», рекруты, солдаты, капралы.

Abstract: the article is devoted the issue of everyday life of the lower ranks of the Russian regular army in 1725–1762. Based on a wide range of sources, the process of military service by recruits, soldiers and corporals is considered, including the features of their financial situation during the period of service. Particular attention is paid to the daily life of retired lower military ranks, including their provision after retirement and marital status.

Key words: «palace coups», recruits, soldiers, corporals.

Проблема повседневной жизни нижних чинов регулярной армии России в 1725–1762 гг. является чрезвычайно актуальной. Это обусловлено тем, что основная тяжесть военных походов и сражений приходится на обычных солдат. Несмотря на это, в отечественной историографии повседневная жизнь нижних чинов в основном остается за рамками исследований. Вместе с тем особенности повседневной жизни, несомненно, оказывают серьезное воздействие на морально-психологическое состояние военнослужащих, определяя их боеспособность. Рассмотрение аспектов повседневной жизни способно существенно дополнить картину развития русской регулярной армии рассматриваемого периода.

Исходя из всего вышесказанного, целью настоящего исследования является выявление основных особенностей повседневной жизни рекрутов, солдат и унтер-офицеров регулярной армии России в период «дворцовых переворотов» 1725–1762 гг.

Говоря о повседневной жизни нижних чинов, стоит отметить весьма широкий социальный состав. Основным способом комплектования армии нижними чинами в 1725–1762 гг. являлись рекрутские наборы. Рекрутской повинности подлежали все податные сословия, однако категории призываемых постоянно уточнялись и дополнялись. В рекрутах оказывались учащиеся гарнизонных школ, незаконнорожденные дети [1, с. 221], рейтары в отставке [там же, с. 941–942], беглые крестьяне, бродяги [там же, с. 215–216],

нищие [там же, с. 907–908], священники и монахи, лишенные сана [2, с. 377], и даже «ханжи-отшельники» [там же, с. 961–962]. Также рекрутские наборы использовались и для перевоспитания раскольников [там же, с. 666–667]. Таким образом, военная служба затрагивала людей самого разнообразного положения и происхождения. Важно отметить, что и недоросли из дворян начинали службу рядовыми, однако их служебный рост был более стремительным, нежели у незнатных сословий.

Главными критериями для отбора рекрутов выступали здоровье, возраст и рост призываемых. Однако они изменялись в зависимости от потребностей государства. Так, в 1730 г. призывались рекруты ростом не ниже 160 см в возрасте от 15 до 30 лет [1, с. 296], в 1738 г. было установлено, что рекруты в возрасте от 18 до 20 лет должны были иметь рост 153 см, иногда 151 см [2, с. 548], а в сентябре 1741 г. был установлен стандарт, который закрепится вплоть до 1760-х гг.: возраст от 20 до 35 лет, а рост 160 см [3, с. 508].

Критерий здоровья также не отличался устойчивостью. Гарантией здоровья рекрута с 1732 г. являлись слова поставщика. За ложь полагался штраф в 5 рублей и замена больных рекрутов здоровыми в течение полугода после призыва [1, с. 901]. Однако это не исключало попадания в армию негодных рекрутов. Так, в феврале 1731 г. в Военной коллегии рассматривалось дело рекрута Петра Никифорова, у которого при приеме в Воронежский гарнизонный полк «явился... на правом глазу бельмо и под плечом на правой руке золотуха» [4, л. 424]. Это лишь один из

примеров, когда совершенно негодные рекруты не только принимались, но и доставлялись к полкам. Также в 1739 г. было предписано принимать в денщики и извозчики негодных рекрутов. Такое решение было связано с тем, что не имелось средств на обратный путь рекрутов, да и многие из них просто разбежались в пути [2, с. 721–722]. Подобные решения проблем, несомненно, приводили к тому, что в армии могли служить люди, совершенно к военной службе непригодные. Это приводило к их ранней отставке, как в случае с Тимофеем Ковылиевым, который, отслужив 6 лет, был отставлен в 25 лет вследствие «ослабления обеих ног» [5, л. 172–173].

Рекрутам, поступающим на службу, до доставки в полки полагалось солдатское жалование и провиант от Военной коллегии [6, с. 577]. Однако нередким явлением была задержка жалования, в связи с чем в 1734 г. вводилось требование выплачивать его не по третям года, а помесячно [7, с. 421]. Однако это не всегда выполнялось. Так, в 1738 г. выяснилось, что в Ярославле рекруты не получали по 2–3 недели не только жалование, но даже провиант [2, с. 386]. Вероятно, с этим связано то, что уже летом 1738 г. указано поставщикам снабжать рекрутов провиантом на месяц, а также давать 50 копеек на корм [там же, с. 549]. Данная мера позволила переложить ответственность за содержание рекрутов до доставки в полки с государства на поставщиков. Подобный порядок сохранялся на протяжении всего рассматриваемого периода и был закреплен в «Генеральном учреждении» П. И. Шувалова [8, с. 842].

Для предотвращения побегов рекруты на сборных пунктах содержались под караулом и были связаны круговой порукой [7, с. 421], а в 1737 г. появилось правило дважды в неделю брить рекрутам виски и лбы, чтобы их проще опознавать в случае бегства [2, с. 302]. Это, как и многие иные факты, свидетельствует о том, что военная служба не только не привлекала население, но и само государство мало заботилось о том, чтобы донести до подданных идею служения Отечеству, опираясь в большей степени на силу и принуждение. Стоит отметить и тот факт, что многие рекруты гарнизонных полков привлекались на самые тяжелые работы, в связи с чем они часто становились негодными к службе [там же, с. 696].

Если рассматривать вопрос жалования нижних чинов русской регулярной армии, стоит отметить, что впервые точный размер жалования был определен в 1711 г. Оно отличалось по роду войск и званию [9, с. 99], а в 1731 г. размер жалования изменен. Так, рядовые армейских кирасирских и драгунских полков получали 14 и 12 рублей, а пехотинцы – 10 рублей 98 копеек. Однако в гарнизонных полках ситуация отличалась. В драгунских полках рядовые получали 9 рублей 12 копеек, а в пехотных – 5 рублей. Капралы полевых полков получали 15 рублей в кирасирских и

12 в драгунских и пехотных. В гарнизонных драгунских полках капралы получали 9 рублей 12 копеек в драгунском полку и 6 рублей в пехотном [10, с. 175]. Жалование сержантов составляло 14 рублей 40 копеек в полевых пехотных полках и 7 рублей в гарнизонных [там же, с. 174]. Здесь важно отметить, что если жалование рядовых и унтер-офицеров различается не столь значительно, то разница между унтер- и обер-офицерами значительна: так, жалование поручика в армейских полках составляет 120 рублей, а в гарнизонных – 60 рублей [там же]. Кроме того, существовали многочисленные вычеты из жалования. Так, с 1731 г. из жалования рядовых производился вычет на медикаменты в размере 1 копейки с рубля [там же, с. 169]. Кроме того, взимался вычет на мундир, размер которого не был четко установлен и составлял от 33 до 50 % жалования нижних чинов. Также солдаты половиной жалования оплачивали свое содержание в госпитале [9, с. 112]. Во время заграничных походов армии рядовые получали по 3 копейки в день [там же, с. 121–122].

В целом, подводя итог, можно отметить, что нижние чины русской армии не имели достаточно устойчивого материального положения, которое могло бы им помочь после отставки наладить свой быт.

Для конкретизации положения отставных нижних чинов нами были проанализированы данные ревизии по Воронежской губернии 1744–1747 гг. В частности, нами выделены сказки 131 отставного нижнего чина, среди которых 80 рядовых и 51 капрал. Основной информацией, содержащейся в сказках бывших военных, является их происхождение, годы службы, место отставки, способ «прокормления» после отставки и наличие сыновей. Однако информация в разных делах о ревизии существенно отличается, что позволяет обработать по разным критериям данные разного количества отставных.

Так, анализируя данные о возрасте выхода в отставку в выборке из 36 капралов, мы установили, что их средний возраст выхода в отставку составляет 56 лет, где верхняя граница 70 лет, нижняя – 35. При этом 33 % из указанной выборки ушли в отставку в возрасте от 60 до 70 лет [5, л. 116–119, 122–123, 136–137, 158–159, 187–188; 11, л. 25, 28–31, 35, 37–38, 40, 42, 44, 46–48; 12, л. 78; 13, л. 68–69; 14, л. 158–160, 256–257, 330; 15, л. 380; 16, л. 615–616, 1400; 17, л. 13, 59–60]. Стоит отметить, что капралы, вышедшие в отставку в возрасте до 56 лет, имели для этого серьезные основания, к примерам которых относится кровавый понос [5, л. 122–123], слепота [там же, л. 187–188] или просто «болезнь» [там же, л. 615–616; 17, л. 59]. «Старость и дряхлость» как критерий для отставки представляет собой довольно размытое понятие. Это может быть и 70 лет [17, л. 60], и 52 года [там же, л. 13]. Представляется более чем вероятным, что четких критериев для установления

старости у военнослужащих не было и такой вердикт выносился ситуативно.

Данные выборки из 62 рядовых свидетельствуют о том, что их средний возраст выхода в отставку составляет 52 года, причем 34 % вышли в отставку в возрасте от 60 лет и выше [5, л. 2–6, 72–73, 86–88, 106–108, 114–115, 135, 168–169, 172–175; 11, л. 26–27, 32–34, 36, 39, 41, 43, 45; 12, л. 79; 13, л. 151–152, 160; 14, л. 161–162, 258, 290, 362–363, 422; 15, л. 364, 379, 381–382, 544; 16, л. 242–246, 663–664, 1397–1398; 17, л. 36, 38, 55, 58; 18, л. 207, 764–765; 19, л. 26, 368–369, 384, 458–460; 20, л. 632; 21, л. 540]. Таким образом, средний возраст выхода в отставку рядовых незначительно отличается в аналогичного показателя у капралов. Стоит отметить, что в данной выборке среди причин отставки до 52 лет упоминаются ослабление обеих ног [5, л. 172–173], проблемы со зрением [12, л. 72, 79], «болезнь» [15, л. 382, 544; 19, л. 26], животная болезнь [17, л. 36].

Также на основании сказок 15 капралов мы установили, что средний срок их службы составляет 29 лет, где нижняя граница 15, а верхняя – 40 лет [5, л. 116–119, 122–123, 136–137, 158–159; 14, л. 158–160, 256, 330; 15, л. 380; 16, л. 615–616, 1400; 17, л. 13]. Данные рядовых, полученные из выборки в 32 человека, указывают на то, что в этой группе военнослужащих средний срок службы составляет 23 года, причем 22 % отслужили 30 лет и более, а 50 % – от 20 до 30 лет [5, л. 48–49, 72–73, 86–88, 106–108, 114–115, 135, 161–162, 168–169, 172–175; 12, л. 79; 14, л. 161–162, 290, 362–363; 15, л. 381–382; 16, л. 242, 244–246, 663–664, 1397–1398; 18, л. 207, 764, 765; 19, л. 369; 21, л. 540].

Таким образом, можно утверждать, что получение чина напрямую не зависело от срока службы. Рекрут, призванный в армию, имел значительный шанс прослужить в солдатах всю жизнь, получив низший унтер-офицерский чин лишь в конце службы или по отставке [5, л. 116–117]. В то же время вполне возможно было прослужить в армии 37 лет и быть отставленным в 69 лет рядовым [18, л. 764].

В вопросе происхождения мы опирались на сказки 31 капрала, которые показали, что подавляющее их большинство – 77 % (24 человека) являются однодворцами [13, л. 69; 14, л. 158–159, 256–257; 15, л. 380; 16, л. 615–616, 1400; 17, л. 4, 12–13, 22–24, 34, 50, 57, 59, 60, 62; 19, л. 111; 21, л. 538, 541]. Данные 52 рядовых вполне коррелируют с данными капралов: из 52 отставных рядовых, указавших свое происхождение, к однодворцам относятся 40 человек [5, л. 2–6, 48–49; 13, л. 152, 160; 14, л. 161–162, 290, 362–363; 15, л. 381–382; 16, л. 242–246, 663; 17, л. 10, 38–39, 55, 58, 73; 18, л. 764–765; 19, л. 26, 110, 368–369, 383–385, 387, 458–460, 577–578; 20, л. 632; 21, л. 539–541, 543, 545]. В данном случае такое преобладание однодворцев в социальном составе отстав-

ных капралов и солдат связано со спецификой населения Воронежской губернии, в которой проживало значительное количество однодворцев.

С вопросом происхождения тесно связан и вопрос обеспечения после отставки. Для рассмотрения этого вопроса мы проанализировали информацию всей выборки капралов, а именно 51 человека. В результате мы установили, что 78 % (40 человек) имеют свой двор и (или) землю, т. е. за некоторыми исключениями вполне способны себя обеспечивать после отставки [5, л. 118–119; 11, л. 25, 28–31, 35, 37–38, 42, 44, 46, 47–48; 12, л. 78; 13, л. 68; 14, л. 158–160, 256–257, 330; 15, л. 380, 546–547; 16, л. 615–616, 1400; 17, л. 4, 12–13, 22, 34, 49, 50, 57, 60, 62; 19, л. 111; 21, л. 538, 541]. Из оставшихся 11 капралов выборки 6 человек живут у родственников или однодворцев, а также осваивают какое-либо ремесло для собственного пропитания [5, л. 116–117, 122–123, 136–137, 158–159; 13, л. 69; 17, л. 59]. Оставшиеся капралы никаких конкретных способов своего прокормления не указали и пожелали отправиться в богадельню для пропитания [5, л. 85–85, 187–188; 11, л. 40; 17, л. 23, 24]. Только 14 % (7 человек) капралов в период ревизии изъявили желание отправиться в богадельню в связи с невозможностью себя обеспечивать, причем большая их часть относятся к тем, кто не указал способов пропитания [5, л. 84–85, 136–137, 158–159, 187–188; 11, л. 40; 17, л. 23, 24].

Анализируя данные 80 отставных рядовых, касающиеся обеспечения после отставки, мы выяснили, что подавляющее большинство отставных – 71 % (57 человек) рядовых имеют свой двор и (или) землю [5, л. 4–6, 48–49, 173–174; 11, л. 27, 32–34, 36, 39, 41, 43, 45; 13, л. 152, 160; 14, л. 161, 162, 258, 290, 362–363; 15, л. 379, 381–382, 544; 16, л. 243, 245–246, 663, 1397; 17, л. 8, 10, 36, 38–39, 55, 58, 73; 18, л. 764, 765; 19, л. 26, 110, 368, 369, 383–385, 387, 458–459, 460, 577–578; 20, л. 632; 21, л. 539–541, 543, 545]. У родственников и «по разным людям» на квартирах живет 11 % (9 человек) [5, л. 2–4, 86–88, 106–108, 135, 168–169; 15, л. 364; 16, л. 663–664, 1398]. Также 13 % (10 человек) имеют пропитание работой, службой при канцелярии или иным неуставленным способом [5, л. 161–162; 11, л. 26; 12, л. 79; 13, л. 151; 14, л. 422; 16, л. 242, 244; 17, л. 18, 21; 18, л. 207]. Никаких способов пропитания и даже жилья не имели 5 % (4 человека) [5, л. 72–73, 114–115, 172–175]. Из представленной выборки 10 % (8 человек) отставных рядовых были отправлены в монастырь или богадельню [5, л. 72–73, 86–88, 114–115, 135, 172–175; 11, л. 45]. Среди них некоторые имели свой двор или землю, но пожелали быть определенными в богадельню [5, л. 173–174; 11, л. 45]. Таким образом, процент неуставленных рядовых схож с теми данными, которые мы видели на выборке капралов.

Таким образом, проанализировав сказки отставных капралов и солдат, мы приходим к выводу, что большая их часть способна была себя содержать после отставки в основном за счет земли. Эти результаты напрямую связаны с их происхождением, так как однодворцы до призыва в армию владели землей, тогда как к крестьянам или солдатским детям это совершенно не относится. Вследствие этого сделать вывод об обеспеченности солдат и капралов других губерний на основании полученных данных нельзя.

Важным показателем повседневной жизни является наличие детей. Специфика ревизских сказок заключается в том, что в них учитываются только «мужского полу души», что не позволяет нам установить наличие жен или дочерей. Однако даже данные по сыновьям дают определенное представление о семейном положении отставных. Так, у 72 % (37 человек) отставных капралов на момент ревизии отсутствуют сыновья [5, л. 84–85, 116–119, 122–123, 136–137, 158–159, 187–188; 11, л. 25, 28–30, 38, 40, 42, 44, 46, 47; 13, л. 69; 14, л. 158–159, 256, 330; 15, л. 380; 16, л. 615–616, 1400; 17, л. 4, 13, 23–24, 49–50, 57, 60; 19, л. 111; 21, л. 538, 541].

Если же рассматривать рядовых, то можно увидеть, что у 60 % рядовых (48 человек) отсутствовали сыновья [5, л. 72–73, 86–88, 106–108, 114–115, 135, 161–162, 172–175; 11, л. 26, 32, 34, 36, 41, 45; 12, л. 79; 13, л. 160; 14, л. 161–162, 258; 15, л. 364, 379, 381, 544; 16, л. 242–244, 246, 663, 1397–1398; 17, л. 21, 58, 73; 18, л. 207, 764–765; 19, л. 110, 368–369, 385, 458, 460, 577–578; 21, л. 540–541]. При этом, судя по всему, возраст не является определяющим для заведения детей. Это видно на примере капрала Григория, который в 80 лет имел 7-летнего сына [17, л. 12], и Емельянова, который, выйдя в отставку в 44 года, на момент своего 60-летия имел сыновей полутора и трех лет [11, л. 31]. Подобную ситуацию мы видим и у Якова, солдата Тенгинского пехотного полка, который в 72 года имеет сына 5 месяцев от роду [там же, л. 33].

Таким образом, данные по детям отставных капралов и солдат указывают на то, что большинство военнотружущих не имеют семьи. Представляется вероятным, что призванные на военную службу в юном возрасте рекруты не успевают заводить семьи, а во время службы отпуска нижним чинам выдаются крайне редко. Вследствие этого для большинства военнотружущих семейная жизнь начинается лишь после отставки, в 52–56 лет. Косвенным подтверждением служат сказки жен и вдов отставных, а также солдатских детей. Так, на момент ревизии 1744 г. в Воронеже ничего не знали о том, где находятся во время службы их мужья, жены Екатерина [5, л. 20–23] и Анна [там же, л. 145–146], а также солдатский сын Андрей Минаев [там же, л. 134–135].

Кроме того, не самым редким явлением было «приживание» женами детей во время службы мужа. Такова история Екатерины Ситниковой, выдавшей своих детей за сыновей дворянина Глухова, который на службе, тогда как в действительности она их незаконно прижила [там же, л. 140–142]. Подобное видим и у вдовы драгуна Дениса Артамонова [там же, л. 63–65], а также у солдатской жены Кречетовой [там же, л. 18–19]. Бывали ситуации, когда отцы «приживали» сыновей в службе, как это было с солдатским сыном Максимом [там же, л. 50–51].

Если говорить о процессе отставки, стоит отметить, что она не всегда сопровождалась получением паспорта и освобождением от службы. Отставка из полевых полков могла сопровождаться переводом на службу в гарнизоне с повышением чина [4, л. 532] или определением к «гражданским делам», например, к подушному сбору [16, л. 663]. Также отставной мог получить вместо паспорта «указ» об определении к подушному сбору [там же, л. 1397], направление в монастырь [5, л. 174–175] или паспорт с запретом привлекать к каким-либо гражданским делам после отставки [16, л. 615]. Вследствие этого зачастую после отставки солдат и офицеров привлекали к гражданским делам местные власти. Так, в январе 1731 г. в военную коллегию поступила жалоба 10 рядовых и 1 капрала, которые выражали недовольство тем, что воевода определяет их на посылки и караулы, тогда как они в силу возраста, болезней и ран «нести того не могут». Примечательна реакция военной коллегии, которая потребовала выяснить, действительно ли они не могут нести службу, и если это так, то тогда от службы их уволить [22, л. 422]. Подобная жалоба поступила и в феврале 1731 г., причем жалующиеся отставные живут своими дворами и платят подушные деньги [4, л. 26]. Таким образом, отставка из армии не означала, что военных не будут привлекать к службе у гражданских властей. Также она не освобождала от несения повинностей в виде подушной подати. В конечном итоге главной «привилегией» отставных являлась обязанность носить немецкое платье, шпагу и брить бороду, что было прописано в паспорте [5, л. 116–117].

Стоит отметить, что в рассматриваемый период продолжает функционирование созданная в 1724 г. система содержания отставных военных в монастырях. Семьи отставных селились при монастыре вместе с ними [23, с. 59]. Отставным солдатам полагалось денежное жалование и хлебное довольствие. В 1731 г. жалование отставных солдат в монастырях снизилось с 20 до 3 рублей в год. Это было связано с тем, что выплата пенсии военнотружущим возлагалась на монастыри, которые не могли справиться с такой нагрузкой. Также отставные получали и хлебное жалование: у холостых рядовых оно составляло 3 четвер-

ти и 1,5 четверика (около 600 кг), у женатых – в 2 раза больше [там же, с. 60]. Однако не все военнослужащие могли похвастаться счастливым браком. Так, из 50 отставных, находящихся в вятских и пермских монастырях, в 1744 г. только 13 имели семьи [там же, с. 61]. Эти данные вполне согласуются с теми, которые мы получили при анализе ревизских сказок по Воронежской губернии.

Таким образом, рассмотрев основные особенности повседневной жизни нижних чинов в 1725–1762 гг., мы приходим к выводу о том, что служба в армии для населения рассматриваемого периода едва ли могла быть привлекательной. Небольшое жалование с постоянными вычетами не могло обеспечить высокого уровня жизни ни во время, ни после службы. После отставки рядовой или унтер-офицер мог рассчитывать только на свое имущество, если оно было, или же на родственников, если они остались. Государство при этом не уделяло значительного внимания обеспечению ветеранов после отставки. Практически единственными вариантами были монастыри и богадельни, которые часто не получали достаточного финансирования и, безусловно, не могли приютить всех желающих, или же работа на местные власти, однако вопрос жалования за эту службу не был регламентирован. Кроме того, отставного военного могли в любой момент задействовать на этих работах, а основания для освобождения от них не были регламентированы и устанавливались в частном порядке. Для большинства солдат и унтер-офицеров служба являлась пожизненным занятием, которое вело к одиночеству без семьи при минимальной поддержке государства. Это способствовало усилению протестных настроений среди рекрутов и солдат, которые выражались в бегствах и уклонениях от службы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. VIII. 1728–1732 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1004 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. X. 1737–1739 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 990 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. XI. 1740–1743 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 991 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2. – Оп. 10. – Д. 100.
5. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 38.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. VII. 1723–1727 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 933 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. IX. 1733–1736 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1016 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. XV. 1758 – 28 июня 1762 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1051 с.
9. Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII века (1700–1761) / Н. И. Соловьев. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1900. – 200 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое : в 45 т. Т. XLIII. Ч. 1. Книга штатов. Отделение первое / под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 865 с.
11. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 64.
12. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 72.
13. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 74.
14. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 84.
15. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 62.
16. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 90.
17. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 83.
18. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 61.
19. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 86.
20. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 87.
21. ГАВО. – Ф. И-18. – Оп. 1. – Д. 88.
22. РГВИА. – Ф. 2. – Оп. 10. – Д. 99.
23. Кустова Е. В. Служба и служение : отставные военные в вятских и пермских монастырях в XVIII веке / Е. В. Кустова // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 2. – С. 58–65.

Воронежский государственный педагогический университет
Подберезный Е. А., аспирант 3-го года обучения
E-mail: evgenypodbereznyy@yandex.ru

Фурсов В. Н., доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
E-mail: fursow1949@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
Podberезny E. A., Post-graduate Student 3 years of study
E-mail: evgenypodbereznyy@yandex.ru

Fursow V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of History of Russia
E-mail: fursow1949@mail.ru